

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ
ИРАНИСТИКИ В РФ И КНР: ИСТОРИЧЕСКИЕ,
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ВАРИАТИВНОСТИ СИСТЕМ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ВОСТОКОВЕДЕНИИ**

Б.Г. Фаткулин

В статье рассматриваются причины и предпосылки развития и функционирования национальных систем иранистики в РФ и в КНР. Анализируются исторические, языковые и геополитические причины формирования научной отрасли «иранистика» в России и в Китае.

Ключевые слова: сопоставительное языкознание, сопоставительная терминография, китайская иранистика, российская иранистика, востоковедение, терминология востоковедения, персидский язык, русский язык, китайский язык, история Ирана, история России, история Китая.

Анализ и сопоставление терминологии различных отраслей науки входит в предмет современного науковедения. Терминосистемы научных отраслей и номенклатура терминов детерминированы когнитивными процессами, происходящими в сознании ученых-исследователей [7]. Поэтому такое сопоставление целесообразно проводить на стыке философии, лингвистики и истории [4].

Согласно выводам российских философов Л.А. Микешиной [10], Ю.В. Сачкова [12], В.С. Степина [13] коллективность научной мысли и соотносительно с этим коммуникативный характер научного познания концентрируются в системах научного знания.

Востоковедение не только делится на отрасли по числу регионов Востока и восточных языков (китаеведение, арабистика, индология, монголоведение и т. п.) [3], но и эти отрасли в свою очередь приобретают разновекторную национальную окраску в зависимости от страны, в которой развивается та или иная востоковедческая отрасль. В нашей статье речь пойдет о понятии геополитической разновекторности в современной иранистике на примере терминологии иранистики в РФ и в КНР.

Терминология российской иранистики базируется на общеевропейском подходе к этому региону мира. История Древнего Ирана была осмыслена древними греками и нашла отражение в трудах ряда античных историков. Многочисленные упоминания о Древней Персии содержатся также и в Библии, многие «библейские» места находятся на территории нынешнего Ирана. С приходом ислама на территорию Ирана источники на среднеперсидском языке пехлеви были утеряны, и поэтому источником информации о доисламском Иране стали переводы сочинений античных авторов (Геродот, Ксенофонт). Арабское завоевание Ирана (VII в. н. э.), последовавшее затем монгольское нашествие на Иран (XIII в. н. э.) соответственно обогатили европейскую иранистику еще одним пластом терминологии.

Иранистика в России возникла и развивалась как следствие возрастания интереса к Востоку, Древней Персии, Афганистану, Средней Азии, который был тесно связан с военным и экономическим проникновением России в этот регион мира. Побочным продуктом этого интереса стало изучение классической персидской литературы и литературных подражаний специфическому восточному стилю. Во время экспансии Великих держав на Восток российская иранистика двигалась в русле колониальных подходов европейских держав к Большому Ирану [15]. По мере складывания российской государственности и продвижения России на Восток подданные Российской империи с разной интенсивностью вступали в непосредственные контакты с иранской цивилизацией. Значительная доля базовых терминов в терминосистеме российской иранистики сложилась в XIX веке в рамках восточной политики Российской империи на Кавказе, в Закавказье и в Средней Азии.

XIX столетие было веком неравноправных отношений между отдельными регионами мира, между европейскими государствами и государствами традиционного Востока. Российская империя как одна из ведущих европейских стран того времени не осталась в стороне от этих процессов. Российско-персидские войны, неравноправные договоры между Россией и Персией, продвижение Российской империи на Кавказ и в Закавказье по-

требовали от тогдашних российских специалистов по Ирану осмысления иранской действительности [8, 9]. Российская дипломатия обеспечивала российско-иранское взаимодействие на уровне династий Романовых, Сефевидов и Каджаров. Присоединенные к Российской империи территории Закавказья испытали на себе влияние персидской культуры, и этот фактор также стимулировал развитие иранистики в России.

Развитие российской иранистики на временной прямой следует в фарватере истории российского государства: Российская империя – СССР – Российская Федерация. В итоге послереволюционных трансформаций СССР объединил социалистические республики в прежних границах Российской империи. СССР вновь получил сухопутную границу с Ираном и Афганистаном, более того, часть Большого Ирана (в границах современной Республики Таджикистан) напрямую вошла в состав СССР.

Советская политика в отношении ираноязычных государств во-многом явилась продолжением политики Российской империи. В добавок к традиционным аспектам российской иранистики добавились идеологические прерогативы, связанные с экспортом социалистической революции в страны Востока. Практика советской иранистики в момент ее формирования была тесно связана с экспортом идеологии: вспомним попытки советизации на каспийском побережье Ирана (Гилянская республика) и попытки советских внешнеполитических структур наладить сотрудничество с иранской партией Туде [5, 14]. Присутствие советских войск в северной части Ирана в годы Великой отечественной войны создавало условия для развития иранистики «на местности».

В период позднего социализма своего рода пиком развития советской иранистики стало присутствие ограниченного контингента советских войск в Афганистане, когда с Афганистаном была связана профессиональная деятельность тысяч советских граждан.

Исламская революция в Иране внесла множество поправок в традиционную теорию иранистики и стала предметом глубокого изучения советских, а затем и российских иранистов, обогатив терминологию иранистики терминами, характеризующими шиитское направление в современном исламе и иранский политический ислам [6].

События конца 80-х и начала 90-х привели к тому, что Российская Федерация потеряла право свободного сухопутного выхода к иранской и афганской границам, сохранив только морское соседство с Ираном по Каспийскому морю. Правопреемники республик СССР (Армения, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан, а также Казахстан в рамках общего Каспийского моря) в настоящее время по международному праву контролируют свои участки сухопутных и морских границ с Ираном и Афганистаном, развивают свои собственные научные школы иранистики в соответствии со своими геополитическими интересами [16]. Сотрудниче-

ство суверенных государств в рамках ШОС, ОДКБ, Евразийского Союза создает общий вектор для развития иранистики на пространстве СНГ и обеспечивает взаимосвязь и преемственность в рамках этой научной отрасли.

В настоящее время российская иранистика развивается в рамках общего процесса «возвращения России на Восток». Успешное сотрудничество России и Ирана в борьбе с международным терроризмом и в защите конституционного строя Сирийской Арабской Республики является ярким тому свидетельством.

Информационная эпоха придает мировой иранистике новый импульс и формирует следующие факторы, влияющие на развитие отрасли:

1. Совершенствование технологий сбора, хранения и передачи информации. Ресурсы на языке фарси получили возможность выхода в мировое информационное пространство.

2. Иран, Россия и Китай овладели секретами интернета и технологиями оцифровки, хранения и передачи собственных информационных ресурсов. Завершилось складывание национальных интернет-миров в КНР, Иране и Российской Федерации. Иран, Россия и Китай создали собственные независимые наукометрические порталы (SID.ir, elibrary.ru, cnki.cn), на которых размещаются результаты исследований как на европейских международных, так и на фарси, русском и китайском языках [1].

Что касается китайской иранистики, то история ее развития связана с параллельными вехами в истории двух государств. Основными парадигматическими характеристиками китайской иранистики являются:

1. Между Китаем и Ираном никогда не было общих морских и сухопутных границ, не случалось военных конфликтов и не заключалось неравноправных договоров, подобных договорам между европейскими державами и их полуколониями. Большой Иран был предметом «Большой Игры» между Россией и Великобританией, в которой Китай не участвовал.

2. Несмотря на то, что Китай и Афганистан имеют общую границу, эта граница находится в труднодоступной горной местности на национальной окраине КНР. Афганистан на протяжении долгого времени был полуколонией Великобритании, и у Китая не было возможностей для полномасштабных пограничных отношений с Афганистаном. В настоящее время Афганистан контролируется войсками коалиции НАТО, что тоже не способствует развитию китайско-афганских отношений.

В современной истории Китая был период, когда он выбыл из числа активных участников международных процессов, поскольку из субъекта мировой политики превратился в ее объект. В XIX веке и в первой половине XX века Китай стал объектом хищнической эксплуатации со стороны европейских держав и Японии. Весь XIX век и первая половина XX века стали тяжелым испытанием для цинского и затем республиканского Китая:

две Опиумные войны, неравноправные договоры с европейскими странами, восстание тайпинов, восстание ихэтуаней, Синхайская революция, война против милитаристской Японии надолго выбили Китай из внешне-политической колеи [11]. Только после образования КНР и международного признания Китай получил импульс к стабильному развитию, активизировалась его внешняя политика, стали развиваться двусторонние отношения с государствами Ближнего и Среднего востока, в том числе с Ираном и Афганистаном.

Одной из базовых характеристик современного персидского языка является то, что он функционирует на основе арабской графики, что обеспечивает преемственность с философско-мировоззренческими категориями арабо-исламской цивилизации. Иранскому терминообразованию присущ гибридный характер.

Языковыми факторами, влияющими на терминологию китайской и российской иранистик, являются:

1. Русский и персидский языки принадлежат к индоевропейской семье языков. Словообразование в русском и персидском языках базируется на сходных принципах: использование словообразовательных суффиксов и префиксов, основосложения. Русский язык с его богатой системой гласных и согласных имеет большие возможности для транслитерации безэквивалентной терминологии из языка фарси.

2. Изолирующий характер китайского языка осложняет процесс формирования терминологии иранистики. Иероглифическая система китайского языка не позволяет полностью транслитерировать многосложные слова из персидского языка.

«Приручение» арабских масдаров персидским языком является компромиссом между индоевропейским строем персидского языка и необходимостью включения в язык арабских религиозных и философских терминов. Однако несмотря на арабскую графику и значительный пласт терминов арабского происхождения, иранская культура не смешалась с арабской культурой, в ней продолжают сохраняться иранские архетипы, характерные для иранской цивилизации.

Сравнительный анализ терминологии иранистики в Китае и РФ позволяет сделать следующие выводы:

1. Ввиду стратегической важности регионов с ираноязычным населением и его важной роли в формировании и развитии мировой цивилизации все ведущие государства Евразии имеют свои собственные версии науки «иранистика». Возможно говорить о нескольких видах «иранистики»: иранистика в парадигме России, Европейского союза, США, КНР и т. д.

2. Представители востоковедческих систем научного знания рассматривают категории «социальное пространство»; «семиотическое пространство»; «символическое пространство» через призму геополитических интересов своих стран [2].

3. Терминология отраслей, входящих в научное направление «Комплексное изучение отдельных стран и регионов», детерминирована геополитическими интересами государств, предысторией взаимоотношений между этими государствами, нынешним состоянием их взаимоотношений.

4. Дискурсивное поведение ираниста обусловлено его принадлежностью к определенной языковой и социокультурной общности, культурно детерминировано социально релевантными значениями языкового и неязыкового характера.

3. Исторические и политические события или другие социальные явления оказывают влияние на появление негласных договоренностей, в результате чего терминология приобретает идеологическую окраску и выполняет важные для существования социальной системы функции объединения, формирования общественных связей, определения морально-ценностных ориентиров, формирования общественных идеалов, обеспечения постоянства социальной системы.

4. Мировоззрение эксперта-ираниста в России и Китае поддается влиянию политического, экономического, религиозного характера, что приводит к собственной переоценке ценностей и конверсии значений.

Специфика «комплексного изучения отдельных стран и регионов» заключается в совокупности разногласий и вопросов, связанных с политическими, социокультурными и экономическими обстоятельствами. Использование национальных языков и национальных картин мира в гуманитарных отраслях Ирана, России и Китая продолжается и будет продолжаться. Тезис о том, что английский язык может стать языком, общим для всех иранистов мира, не имеет отношения к реальности. Английский язык для российских и китайских иранистов может быть только инструментом получения информации, но не языком осмысления и представления результатов исследования.

Библиографический список

1. Фаткулин, Б.Г. Электронные библиотеки и наукометрические базы данных Исламской республики Иран – инструмент для развития российско-иранских научных связей / Б.Г. Фаткулин // Наука ЮУрГУ: материалы 68-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Издательский центр, ЮУрГУ, 2016. – 833–839с.

2. Зеленев, Е.И. Востоковедное научное знание: к новой картине мира / Е.И. Зеленев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. – 2010. – Т. 4. – С. 19–23.

3. Рябченко, Н.П. Востоковедение и глобалистика / Н.П. Рябченко // Известия Восточного института. – 2014. – Т. 1 (23).

4. Куликов, Д.К. Конструктивизм и психология познания: анализ и критика основных положений / Д.К. Куликов // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2012. – Т. 10.

5. Никитюк, В.А. Особенности исторического развития Ирана (от буржуазно-демократической революции к «Белой») / В.А. Никитюк // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2011. – Т. 33. – С. 56–64.
6. Тоцкая, Е.П. Роль исламской республики Иран в региональных политических процессах / Е.П. Тоцкая // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – Т. 1–2. – С. 365–369.
7. Борисова, Т.Г. Когнитивные механизмы процессов терминологизации / Т.Г. Борисова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – Т. 3. – С. 100–105.
8. Касимова, Х.А. Туркманчайский договор 1828 г. и его значение / Х.А. Касимова // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – Т. 2. – № 4. – С. 110–113.
9. Кузнецов, О. Гюлистанский договор: 200 лет спустя (опыт исторического осмысления событий русско-персидской войны 1804–1813 годов и содержания Гюлистанского договора в контексте его 200-летия) / О. Кузнецов // Кавказ и глобализация. – 2013. – Т. 7. – № 3–4.
10. Микешина, Л.А. Гипостазирование как проблема лингвистической эпистемологии / Л.А. Микешина // Epistemol. Philos. Sci. – 2012. – Т. 32 – № 2.
11. Санин, К.А. Проблемы исторического прошлого в отношениях КНР с государствами Восточной Азии / К.А. Санин // Сравнительная политика. – 2015. – Т. 3 (20). – С. 48–59.
12. Сачков, Ю.В. Научный метод и познание социальных явлений / Ю.В. Сачков // Философия науки и техники. – 2000. – Т. 6. – № 1.
13. Степин, В.С. Стратегии цивилизационного развития и проблема ценностей / В.С. Степин // Россия и современный мир. – 2003. – № 1. – С. 5–18.
14. Тагиева, Ш. Демократические Республики Юго-Восточного Кавказа (Азидистан и Гилянская Советская Республика) / Ш. Тагиева. – Кавказ, 2005.
15. Шаклеина, Т.А. Великие державы и региональные подсистемы / Т.А. Шаклеина // Международные процессы. – 2011. – Т. 9. – № 26. – С. 29–39.
16. Шалабаева, Е.А. Внешняя торговля России со странами СНГ: современное состояние и перспективы развития / Е.А. Шалабаева, С. Г. Бабич // Актуальные вопросы экономических наук. – 2016. – № 55-1.

[К содержанию](#)